

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Салчинкина А.Р. Памятник Екатерине II в Екатеринодаре: практика монументальной коммеморации в контексте исторической культуры кубанского казачества // Genesis: исторические исследования. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.8.71394 EDN: QWPNDK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71394

Памятник Екатерине II в Екатеринодаре: практика монументальной коммеморации в контексте исторической культуры кубанского казачества

Салчинкина Ангелина Ростиславовна

ORCID: 0000-0002-4692-5362

кандидат исторических наук

доцент; кафедра истории и политологии; Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, каб. 308

[✉️ eclipsis@yandex.ru](mailto:eclipsis@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Историческая память"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.8.71394

EDN:

QWPNDK

Дата направления статьи в редакцию:

03-08-2024

Аннотация: В статье анализируется многоэтапный процесс разработки и реализации проекта памятника Екатерине II в Екатеринодаре с позиции концепции исторической культуры. В центре исследовательского внимания находятся политические установки, заложенные официальной властью в утвержденную скульптурную композицию, и представления о своем прошлом кубанского казачества, увиденные им в монументальном образе. В работе рассматриваются особенности церемониалов по случаю закладки (1896) и открытия (1907) памятника. Особое внимание уделяется историческому контексту, который формировал уникальный социально-политический и культурный климат в период создания екатеринодарского монумента. Степень достоверности представленных научных результатов обусловлена источниковой базой, прежде всего, материалами из фондов Государственного архива Краснодарского края и местной газеты «Кубанские областные ведомости». В основе разработки данного

направления исследования находятся принципы научной объективности и историзма. К ведущим методам исследования относятся историко-генетический, историко-культурный и историко-системный. Новые возможности для междисциплинарного исследования открывает идентичностный подход. Новизна работы определяется неизученностью коммеморативных практик кубанского казачества с позиции концепции исторической культуры. Анализ архивных документов и материалов местной прессы показал, что церемонии по случаю закладки и открытия памятника Екатерине II сочетали в себе традиционные для дореволюционных торжеств элементы – религиозные и воинские ритуалы. Сделан вывод, что в монументе, разработанном М. О. Микешиним и воплощенном в жизнь Б. В. Эдуардсом, кубанское казачество видело идею о своей преемственной связи с запорожцами и демонстрацию своих прав на земли между Черным и Азовским морями. Власть же в условиях революционного кризиса 1905–1907 гг. преследовала конкретную политическую задачу – через величественный образ императрицы напомнить казачеству об их долге верно служить Престолу.

Ключевые слова:

историческая культура, монументальная коммеморация, кубанское казачество, памятник Екатерине II, Михаил Микешин, Борис Эдуардс, интерпретация коллективного прошлого, церемония закладки памятника, церемония открытия памятника, исторический контекст

В конце XIX в. – начала XX вв. на территории Российской империи активизировался процесс применения различных форм коммеморативных практик. В условиях трансформации социальной и политической жизни возведение памятников позволяло находить ориентиры в прошлом (как реальном, там и мифологизированном), облачать их в монументальных образах и транслировать определенные ценностные установки различным социальным группам или обществу в целом.

Естественно, что практики монументальной коммеморации, являющиеся важным инструментом формирования исторической культуры, не могли не попасть в поле зрения современных исследователей. Предметом изучения специалистов становятся не столько события прошлого, сколько их интерпретации и механизмы транслирования через создание скульптурных композиций. Но если истоки и эволюция российской монументальной традиции рассмотрены в отечественной историографии довольно подробно [1; 2; 3; 4], то коммеморативные практики кубанского казачества с позиции концепции исторической культуры остаются неизученными.

В основе разработки данного направления исследования находятся принципы научной объективности и историзма. Степень достоверности представленных научных результатов обусловлена источниковой базой, прежде всего, материалами из 4 фондов Государственного архива Краснодарского края и местной газеты «Кубанские областные ведомости». К ведущим методам исследования относятся историко-генетический, воссоздающий процесс создания памятника Екатерине II в Екатеринодаре, историко-культурный, позволяющий проанализировать роль социокультурной среды на этапах задумки проекта монумента, его реализации и представления общественности, и историко-системный, собирающий воедино все взаимосвязи и взаимодействия структурных компонентов исторической культуры кубанского казачества на примере создания памятника императрице. Новые возможности для междисциплинарного исследования открывает идентичностный подход. Его применение позволяет анализировать способы трансляции и интерпретации информации о корпоративно-

ценностных установках кубанского казачества, с помощью которых сохраняется их групповая идентичность.

В 1880-х гг. вопрос о создании памятника Екатерине II неоднократно поднимался по инициативе выдающегося кубанского историка и общественного деятеля Е. Д. Фелицына. Впереди был важный юбилей – 100-летие со дня высадки первых черноморских казаков на кубанской земле, которую им даровала императрица. Идея монументальной коммеморации государыни дошла до Главного управления казачьими войсками, получив одобрение. Данное единодушие со стороны разных социальных групп можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, в XIX – начале XX вв. закрепилась и получила широкое распространение традиция создавать памятники к знаменательным историческим датам. Во-вторых, образ Екатерины II был востребован и «верхами», и «низами». Для официальной власти он являлся олицетворением военной мощи и территориального увеличения Российской империи, для казачьей общественности – символом начала новой жизни. Как отметил современный историк О. В. Матвеев, исследующий исторические представления кубанского казачества, «злая мачеха, "вражаматы" для Украины и запорожцев становится "жизнедательницей и благодетельницей Екатериной Алексеевной" для Кубани» [\[5, с. 413\]](#).

Разработать проект памятника было поручено известному скульптору М. О. Микешину, который к тому времени уже прославился созданием одного из самых ярких монументов середины XIX в. – «Тысячелетие России» в Новгороде. Кроме того, скульптор имел опыт создания памятников Екатерине II. Его видение образа государыни как величественной самодержицы можно было созерцать на Александрийской площади в Санкт-Петербурге и на Торговой (Екатерининской) площади в Ирбите. Позже, когда концепция монумента в Екатеринодаре будет одобрена, местная газета «Кубанские областные ведомости» напишет, что «задуман памятник остроумно и вполне выражает идею, но общий вид его тяжеловатый и напоминает другие памятники М. О. Микешина» [\[6, с. 2\]](#). Действительно, работы скульптора отличались многоярусными сложными композициями с глубокой смысловой нагрузкой. Но именно поэтому его кандидатура была угодна официальной власти. М. О. Микешин был мастером создания «всеххватывающих» монументов, в пространстве которых помещались значительные исторические периоды и прославлялись достижения самодержавной России.

В 1892 г., получив сообщение о том, что предложение о сооружении памятника поступило в Главное управление казачьих войск, М. О. Микешин сделал карандашные наброски общего вида монумента [\[7, с. 55\]](#). Однако время шло, а договор со скульптором не заключался. Кубанская администрация, рассчитывающая только на войсковой бюджет, была озабочена высокой стоимостью памятника. В июле 1895 г. в местной прессе появилась долгожданная заметка о том, что дело о постройке памятника императрице на Крепостной площади продвигается вперед: модель монумента готова, а его проект отправлен на утверждение [\[8, с. 2\]](#).

В том же месяце цензурой было дозволено представить широкой общественности описание екатеринодарского проекта. В столичной типографии М. О. Микешин опубликовал «Описание проекта памятника императрице Екатерине II», в котором он раскрывал задачу создания монумента – отразить религию, патриотизм и благодарность к самодержавной царице. По мнению скульптора, публичный памятник должен содержать в себе сложившиеся в сознании народа воспоминания и передавать их последующим поколениям. Сам монумент в наглядной форме «должен представлять известную идею» о великих деяниях, «оставивших неизгладимый след своей деятельности в исторической

жизни народа» [9, с. 3]. «Идея» памятника в Екатеринодаре должна была отражать народные представления о благодетелях кубанского казачества – Екатерине II, которая даровала милости и «призвала запорожцев к новой жизни», и князе Г. А. Потемкине, их первом заступнике перед императрицей. Описана была и форма монумента. Центральное место на высоком постаменте отводилось Екатерине II со скипетром и державой, перед которой ниспадал длинный сверток с текстом Высочайшей грамоты 1792 г. Содержание грамоты императрицы должно было служить напоминанием каждому, в чьем «вечном владении» находятся земли на Таманском полуострове и Правобережье Кубани. Справа, на фоне важнейших элементов символической репрезентации войска – регалий и реликвий, «щедро жертвованных Императрицей», располагался «кумир воскрешенного казачества» Г. А. Потемкин. Справа разместились «народные герои, последние старшины Запорожцев и первые старшины Черноморского Казачества» – читающий грамоту войсковой судья Антон Головатый, слушающий его кошевой атаман Сидор Белый и осеняющий себя крестным знамением войсковой есаул Захар Чепега [9, с. 6]. В своей работе М. О. Микешин дал объяснение первенству в ряду атаманов, отданное А. А. Головатому. Именно его он назвал «по истине гениальным администратором края и устроителем судеб Черноморского, что ныне Кубанского войска» [9, с. 30].

В своем проекте М. О. Микешин отдавал дань уважения устным преданиям, благодаря которым сохранилась память о «былой старине». С этой целью скульптор разместил на задней стороне памятника слепого кобзаря и его непременного спутника – поводыря. Вероятно, прототипом народного певца послужил поэт Тарас Шевченко. Об этом свидетельствуют воспоминания друга М. О. Микешина Д. А. Агренева-Славянского. В описании их последней встречи, когда скульптор работал над рисунком «Кобзаря Шевченка», приведены слова мастера: «Вот, брат, иллюстрирую Шевченку; хотел вернее передать его мысль и вложить душу в действующих лиц его. Работаю усердно, хочется побольше поработать, ведь, может, и жить-то остается не долго» [10, с. 3].

По мысли автора, памятник должен был отражать всю жизнь войска, начиная с его основания. Несмотря на то, что уже были принятые указы императора Александра II о создании Кубанского казачьего войска (1860) и об утверждении его старшинства с 1696 г. (1874), на одном из картушей указан иной порог коллективной памяти – 1792 г. («год милостей Императрицы Екатерины II-ой»). Как и другая атрибутика памятника (запорожская традиция в одежде, чубы и усы у фигур атаманов и кобзаря), эта дата должна была подчеркнуть преемственную связь кубанского казачества с запорожцами, при этом не уходя в нежелательную для официальных властей историю Запорожской Сечи. Дополняли памятник многочисленные детали, значимые с точки зрения служения казачества Престолу, – список побед, одержанных Россией в XVIII–XIX вв. при участии кубанских казаков, строка по нижнему цоколю с именами атаманов от С. И. Белого до Я. Д. Маламы, слова из народной песни «Ой, годи ж нам журьтыся» [1].

«Описание проекта памятника императрице Екатерине II» содержало историческую справку, которую традиционно готовили перед презентацией проекта монумента. У М. О. Микешина она была выдержанной из фундаментального исторического труда кубанского историка Е. Д. Фелицына «Кубанское казачье войско 1696–1888 г.: сборник кратких сведений о войске», изданного в 1888 г. в Воронеже. Выбор сюжета имел особое значение. В нем поднимался сложный вопрос и для официальной власти, и для казачества – ликвидация Запорожской Сечи и переход казаков на русскую службу. В исторической справке представлена наиболее оптимальная для всех сторон версия. Инициатором уничтожения Сечи назывался князь Г. А. Потемкин, который быстро в этом

раскаялся и под влиянием «шевелящейся совести» и «крайней необходимости» исправил «странный и непонятный ошибку», возродил запорожское войско под «лестным названием "войска верных казаков"» [9, с. 16-17]. Образ Екатерины II был вне критики. Она представляла «Матерью Царицей», которая после героического участия казаков в войне с Турцией облагодетельствовала их большими щедротами. Эта версия ликвидации Запорожской Сечи была весьма популярна в конце XIX – начале XX вв. Ее можно встретить как на страницах полковых историй и памяток Кубанского казачьего войска [11, с. 9-13; 12, с. 29; 13, с. 6-10], так и в местной прессе. Стоит привести в качестве примера мысль историка кубанского казачества, есаула (в будущем полковника) И. И. Дмитренко, присущую для массового сознания того времени. Свои размышления он опубликовал в «Кубанских областных ведомостях» в день столетия со дня смерти Екатерины II: «мы, сыны Кубани, в этот печальный день нашей невыразимой скорби должны вспомнить и помолиться о душе венценосной матери нашей, самодержавному слову которой мы обязаны благосостоянием, призвавшей предков наших к новой жизни, так как память о величии царицы светла и ярка в душе каждого кубанца, которые еще при жизни Монархини "давно перестали журыться, дзяковали в то время царицу и молились за все Богу, что указала на Кубань дорогу"» [14, с. 4].

В сентябре 1895 г. по поручению М. О. Микешина архитектор-художник Е. Е. фон Баумгартен составил смету памятника. Ее отправили в Главное инженерное управление, которое сделало заключение, что представленная сумма слишком высока. Решить эту проблему М. О. Микешин не успел. В первый месяц 1896 г. он скончался. «Кубанские областные ведомости» напечатали размышления близких к скульптору людей о причинах его смерти. Певец и дирижер Д. А. Агренев-Славянский считал, что М. О. Микешина подкосили бесконечные придирки подрядчиков и лишние переговоры с инженерным комитетом, связанные с сооружением памятника в Екатеринодаре. Ссылаясь на личную переписку со скульптором, он отмечал, что автора монумента беспокоила и нехватка денег. Все эти невзгоды подкосили «русского богатыря», который «свалился как дуб в полной силе и мочи» [10, с. 3]. Архитектор-художник Е. Е. фон Баумгартен, подтверждал, что пересмотры кубанскими властями сметы с целью ее снижения сильно повлияли «на впечатлительного и уже сломленного недугом Михаила Осиповича» [10, с. 3]. Однако, проекту М. О. Микешина было суждено воплотиться в жизнь. Его вдова Мария Петровна обратилась к начальнику Кубанской области, генерал-майору Я. Д. Маламе с просьбой продолжить дело ее супруга на прежних условиях. Согласно представленным расчетам, общая сумма расходов на сооружение памятника должна была составить 180 337 руб. 89 коп. [15, с. 2].

12 августа 1896 г. модель монумента, которую спроектировал покойный М. О. Микешин, была представлена императору Николаю II и его супруге Александре Федоровне в Большом дворце Петергофа. Через 7 месяцев после смерти скульптора, модель памятника Екатерине II получила Высочайшее одобрение [16, л. 87]. Местная пресса отметила и символическое совпадение дат: «первый труд Микешина – его памятник тысячелетия России, открыт 8 сентября 1862 г., а последний труд – памятник Екатерине II будет заложен 8-го сентября» [17, с. 2].

Торжественная закладка фундамента памятника была назначена на один из дней празднования 200-летнего юбилея Кубанского казачьего войска. Специально для этого мероприятия был прописан церемониал, который заранее опубликовали в «Кубанских областных ведомостях» [18, с. 2]. В нем сочетались традиционные для дореволюционных торжеств элементы – религиозные и воинские ритуалы. Главной отличительной чертой от

общероссийских церемоний стало наличие казачьей составляющей – присутствие офицеров и чиновников Кубанского казачьего войска, объезд войск наказным атаманом с булавой, вынос войсковых знамен, пожалованных Екатериной II и Александром II, участие в мероприятии казачьих частей, в том числе Собственного Его Императорского Величества конвоя.

9 сентября 1896 г., на второй день празднеств, в 9 часов 25 минут началась церемония закладки памятника императрице на Крепостной (Атаманской) площади. На месте заливки фундамента была вырыта яма, над которой высились шесты, украшенные флагами, золочеными двуглавыми орлами и вензелями Екатерины II и Николая II. После объезда войск наказным атаманом, генерал-лейтенантом Я. Д. Маламой, началось молебствие, во время которого епископ Агафодор поведал «о значении памятников вообще, а настоящего памятника в особенности» [\[19, с. 31\]](#). Богослужение завершилось провозглашением вечной памяти императрице и многолетия Императорскому Дому под звуки салюта из 31 артиллерийского выстрела. Войска и место закладки окропили святой водой, а в яму поместили дощечку с надписью о событии, несколько серебряных рублей и кредитных билетов. Религиозные ритуалы сменились воинскими – начался парад, который принимал генерал от инфanterии Э. С. Цытович. Казаки прошли церемониальным маршем мимо знамен, размещенных перед домом наказного атамана. После этого воинские части были распущены по своим бивакам, завершив праздничную церемонию.

Новый виток работы над памятником начался с того, что в 1899 г. Военным советом была создана специальная комиссия под председательством наказного атамана Кубанского казачьего войска. Согласно утвержденному положению, комиссия должна была осуществлять контроль качества строительных работ и проводить ревизию потраченных денежных средств [\[20, л. 3-4 об.\]](#).

В июне 1902 г. строительная комиссия заключила контракт со скульптором Б. В. Эдуардсом, который имел превосходную репутацию в Петербургской Академии художеств. Гарантией добросовестно выполненных работ должен был стать залог в 12 тыс. руб. Его возврат скульптору предполагался по прошествии года с момента окончательного освидетельствования памятника специальной комиссией [\[21, л. 26-26 об.\]](#). Примечательно, что уже декабре 1902 г. были выявлены недочеты в работе Б. В. Эдуардса – изображения атаманов лишились запорожской атрибутики. Согласно постановлению комиссии, скульптор внес исправления, важные с точки зрения исторической памяти о запорожцах: «шевелюры на головах Атаманов Головатого и Чепеги заменены оселедцами [чубами], и усы у первого сделаны "малороссийские", а грудь обоих украшены Георгиевскими крестами» [\[21, л. 31 об.\]](#). Работы неспешно продолжались до тех пор, пока в России не разразилась революция 1905–1907 гг. Сложная внутриполитическая обстановка выдвинула на первый план необходимость напомнить казачеству о его неразрывной связи со службой самодержавию [\[4, с. 140\]](#).

В итоге в мае 1905 г. работа над памятником была завершена. В октябре председатель комиссии по сооружению памятника, генерал-майор М. П. Бабыч направил рапорт наказному атаману Д. А. Одинцову с просьбой назначить караул для защиты монумента «в виду развившегося хулиганства» [\[22, л. 9\]](#) и представил войскому наказному атаману кавказских казачьих войск, графу И. И. Воронцову-Дашкову общий отчет о суммах, израсходованных на создание монумента Екатерине II. Из ассигнованных 150 тыс. руб. из общего войскового капитала Кубанского казачьего войска было потрачено

149034 руб. 96 коп. В статьи расходов были включены гонорары М. О. Микешина, Б. В. Эдуардса и С. Г. Гоне (владельца завода «Моран А. и преемники»), оплата работы техников и экспертов, финансирование мероприятий по транспортировке деталей памятника из Санкт-Петербурга и Одессы, созданию деревянного ограждения и сквера с древесными насаждениями и цветниками, устройству водопровода для фонтанов и электрической сети для фонарей [\[23, л. 1-4 об.\]](#). Однако из-за сложной обстановки в Екатеринодаре, вызванной революционными волнениями, прием памятника строительной компанией состоялся только в мае 1906 г. Окончательное освидетельствование монумента комиссией по назначению Главным управлением казачьих войск откладывалось на неопределенный срок. Только обращение Б. В. Эдуардса к М. П. Бабычу с просьбой освободить его от залога в силу «полной невозможности иметь работы в стране вследствие тяжелого времени, переживаемого ею», сдвинуло дело с места [\[21, л. 17-18\]](#). В ноябре 1906 г. комиссия по окончательному освидетельствованию памятника во главе с генерал-лейтенантом Я. Д. Маламой подготовила акт, согласно которому «статуя ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II отвечает достоинству и величию МОНАРХИНИ, вполне соответствует предназначенному художником Микешиним проектным заданиям, исполнена красиво и художественно. Весь памятник выполнен хорошо, из соответственного и доброкачественного материала и удовлетворяет всем вышеуказанным требованиям» [\[21, л. 32\]](#). В итоге Б. В. Эдуардс был освобожден от залога, а памятник Екатерине II в декабре 1906 г. был принят в ведение Кубанского областного правления. Тогда же генерал-майор М. П. Бабыч подготовил рапорт на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска Н. И. Михайлова с просьбой представить к Высочайшим наградам 12 человек – всех членов строительной комиссии, художника-строителя и двух его помощников «за понесенные нами, в течение шести лет, труды по сооружению означенного памятника» [\[24, л. 1\]](#). Представление дошло до Штаба Кавказского военного округа, где было отклонено его начальником, генерал-майором Г. Э. Берхманом. Однако Б. В. Эдуардс проявил настойчивость и его личное обращение было удовлетворено пожалованием Ордена Св. Станислава 3 степени в 1908 г.

Безусловно, что создание публичного памятника должно сопровождаться торжественным актом открытия. Как отмечает современный культуролог С. А. Еремеева, «только сопутствующие ритуалы могут ввести бездушный, в сущности, монумент в поле культуры, подчеркнутая значимость события придает значимость самому памятнику, объясняет его окружающим, делает частью жизни» [\[3, с. 17\]](#). В связи с этим, после изготовления монумента Екатерине II, начинается подготовка к его открытию. Первоначальная дата торжественного события была назначена на день войскового праздника Кубанского казачьего войска – 5 октября 1906 г. Согласно Положению для церемоний по случаю открытия и освещения памятников в Бозе почившим Императорам, утвержденному 14 сентября 1902 г., на подобных мероприятиях обязательно было Высочайшее присутствие. Однако реализовать это предписание в разгар революционного кризиса было невозможно. Пытаясь решить проблему Войсковой штаб Кубанского казачьего войска направил начальнику Штаба Кавказского военного округа новый церемониал, специально разработанный для открытия екатеринодарского монумента [\[25, л. 10-14\]](#). Вопрос, который вызвал дискуссию, касался возможности прибытия на мероприятие взвода казаков С. Е. И. В. конвоя и сотни казаков-стариков без Высочайшего соизволения. С августа по ноябрь шла переписка между Войсковым штабом войска, Главным управлением казачьих войск и Штабом Кавказского военного округа, в результате которой было принято решение, что ходатайство о вызове казаков возбуждаться не будет, и на церемонию пригласят тех, кто выразит добровольное

желание принять в ней участие. В ходе обсуждения возникли и другие проблемы – до ноября 1906 г. не было заключения комиссии по окончательному освидетельствованию памятника, не мог присутствовать на торжестве войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск И. И. Воронцов-Дашков, не были выделены деньги на изготовление медалей и брошюр. В итоге дата открытия монумента была перенесена на 6 мая 1907 г.

13 ноября 1906 г. церемониал, разработанный Войсковым кругом, получил Высочайшее одобрение [\[25, л. 27-28 об.\]](#). Но политическая обстановка в стране и в Екатеринодаре оставалась сложной, что могло поставить под угрозу проведение торжественного мероприятия. Свои опасения по этому поводу Н. И. Михайлов высказал в письме Г. Э. Берхману. Его беспокоило, что денежные издержки, требуемые для организации открытия памятника, могли «дать богатейшую пищу недоброжелательным людям, чтобы отнестись к этому событию критически» в «действительно не вполне спокойное» время [\[25, л. 35-35 об.\]](#). Все это могло создать почву для распространения идей о необходимости проведения в жизнь казаков широких задач самоуправления, которые декларировались казачьей депутатией в Государственной Думе. Не менее сложным для наказного атамана оказался вопрос, связанный с освещением памятника. В своем письме он задавался вопросом: «памятник Екатерины состоит из статуи Императрицы, окруженной статуями Потемкина, Антона Головатого, кобзаря и поводыря. Этих-то, последних, ладно ли окроплять святой водой» [\[25, л. 35 об.\]](#). Завершал письмо Н. И. Михайлов своими предложениями, среди которых было совмещение открытия монумента со сбором войсковых представителей для разрешения насущных казачьих вопросов, проведение с ними беседы о непоколебимости прав и обязанностей казаков, сведение открытия памятника к молебствию и параду, а главное – перенос мероприятия на 5 октября 1907 г.

На этот раз менять дату открытия памятника императрице Екатерине II не стали. Оно состоялось в день рождения Николая II – 6 мая 1907 г. В этот день наказной атаман Терского и Кубанского казачьих войск, граф И. И. Воронцов-Дашков отправил императору телеграмму, в которой заверил в чувствах «беспредельной любви и верности до гробовой доски» со стороны кубанского казачества, а также отметил, что торжество его рождения ознаменовалось освещением памятника Екатерине II. В ответ Николай II поблагодарил «всегда верное и славное Кубанское Казачество за выраженные ... чувства любви и преданности» [\[25, л. 47\]](#).

Церемониал по случаю открытия монумента в Екатеринодаре проходил по традиционным каноном того времени и, несмотря на сложную политическую обстановку, отличался особой торжественностью. Как это было принято в царской России светский праздник имел религиозный окрас, подчеркивая особую связь монархии с православной церковью. Все это символическое наполнение церемонии, как и образа самого памятника, имели глубокий смысл: в условиях смуты официальная власть не только пыталась демонстрировать величие и мощь, но и напоминало казачеству об их обещании императрице преданно служить Престолу.

В 8 утра в Екатеринодаре прозвучало 5 пушечных выстрелов, оповестив горожан о начале праздничных мероприятий. Основные официальные события развернулись утром в Атаманском сквере и на улицах вокруг него – Красной, Почтовой, Бурсаковской и Крепостной [\[21\]](#). Там заняли свои места воинские части, почетные гости, учащиеся учебных заведений.

В 9 утра взвод казаков С. Е. В. конвоя принял из здания Войскового штаба войсковые

регалии, которые в установленном порядке пронес по улицам Гимназической и Красной. Возле церковных ворот Александро-Невского собора к процессии присоединилось духовенство с хоругвями, и далее под звуки народного гимна все крестным ходом отправились на Крепостную площадь.

Церемониал открыли благодарственный молебен и торжественное провозглашение многолетия всему Царствующему Дому, в ходе которых все присутствующие, кроме войска, опустились на колени. Во время поминовения императрицы Екатерины II была спущена завеса с памятника. После этого музыканты заиграли «Преображенский марш», артиллерия произвела 360 выстрелов, во всех церквях города зазвонили колокола. Религиозная часть церемонии завершилась провозглашением многолетия российскому воинству и всем верноподданным, а также окроплением памятника святой водой. Продолжил мероприятие парад, во время которого войска дважды прошли мимо величественного монумента. По его окончании конвойцы с духовенством покинули Крепостную площадь, унося воинские регалии.

Согласно популярной в начале XX в. традиции, со всей России в Екатеринодар были отправлены поздравительные телеграммы. В них переплетались радостные чувства по поводу «открытия памятника великой Императрице, укрепившей дело владычества Русского государства на благодатном Северном Кавказе» (А. М. Колюбакин), с пожеланиями кубанскому казачеству «процветания на благо Родины, Царя и Отечества» (М. П. Бабыч), долголетия «в помощь царю для ратных подвигов, да для укрепления русской государственности и русского просвещения среди разноплеменных народов необъятной Матушки Руси» (А. Львов), единения «при исполнении долга перед царем и Родиной» (Н. В. Родзянко) [\[22, л. 176, 164, 167, 174\]](#).

Таким образом, памятник Екатерине II является важным транслятором исторической культуры кубанского казачества. Идея его создания была приурочена к юбилейной дате высадки первых черноморских казаков на Таманском полуострове, а реализована в период обострения политической ситуации в России в целом, и в Екатеринодаре в частности. В связи с этим официальная власть, как окончательная инстанция утверждения проекта монумента, вкладывала в него идею государственной мощи и постоянного присутствия России на южный территориях. Значимость монумента подчеркивала и церемония открытия, которая, несмотря на революционный кризис, прошла с особым размахом. Памятник, который сооружался для Кубанского казачьего войска на его средства, получил одобрение и среди казаков. В нем они видели и популярную идею своих запорожских корней, и напоминание о том, кому принадлежат земли между Черным и Азовским морями. Власть же, продвигая и поддерживая данную интерпретацию коллективного прошлого, преследовала конкретную политическую задачу – напомнить казачеству об их долге верно служить Престолу.

Судьба памятника императрице Екатерине II оказалась печальной. Только 13 лет ему суждено было простоять в центре Екатеринодара. Монумент, воздвигнутый в период революционных потрясений, как символ незыблемости внутренних государственных порядков и связи монархии с казачеством, был демонтирован новой властью 4 ноября 1920 г.

[\[1\]](#) Слова из песни «Ой, годи ж нам журытыся» (только за авторством А. А. Головатого) размещены и на памятнике запорожцам-переселенцам в Тамани. Однако на нем последняя строка записана как «Що вона нам указала на Тамань дорогу» вместо слов «Що нам указала на Кубань дорогу», которые украшают памятник Екатерине II.

[\[2\]](#) Ныне Атаманский сквер – Екатерининский, улицы Почтовая – Постовая, Бурсаковская – Красноармейская, Крепостная – Пушкина.

Библиография

1. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы.: монография / Под ред. А. Н. Еремеевой. М.: Институт Наследия, 2022. 168 с.
2. Еремеева С. Памяти памятников. Практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX в. М.: РГГУ, 2015. 531 с.
3. Еремеева С. Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 52 с.
4. Колесовская Т.А., Ткаченко Д.С. Имперская политика памяти на Кавказе: механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2020. № 2. С. 131–154.
5. Матвеев О. В. Эпоха Екатерины Великой в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 411–422.
6. Проект памятника Императрице Екатерине II-й работы академика М. О. Микешина // Кубанские областные ведомости. 1896. 13 января. № 9.
7. Хорошенко Е. В. Екатеринодар. Возрождение шедевра. М.: Русский мир, 2010. 296 с.
8. Дело о постройке памятника Екатерине II // Кубанские областные ведомости. 1895. 15 июля. № 150.
9. Микешин М. О. Описание проекта памятника императрице Екатерине II. СПб.: б. и., 1895. 31 с.
10. О последних днях жизни М. О. Микешина // Кубанские областные ведомости. 1896. 6 февраля. № 27.
11. Гулыга И. Е. 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа; Цинкография Согомонян и Сютчьян, 1913. 106 с.
12. Камышан Н. Г. Историко-биографический очерк. Кошевой атаман Сидор Игнатьевич Белой. Шеф 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. Эривань: Скоропечатная-Типография А. С. Гуламирянца, 1911. 44 с.
13. Червинский В. Памятка Кубанского казачьего войска. Спб.: Типография Чичинадзе, 1896. 51 с.
14. Памяти Императрицы Екатерины II // Кубанские областные ведомости. 1896. 6 ноября. № 235.
15. Дневник // Кубанские областные ведомости. 1896. 21 марта. № 65.
16. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). ФР. 1547. Оп. 1. Д. 31.
17. Новый памятник Екатерине II // Кубанские областные ведомости. 1896. 24 августа. № 180.
18. Церемониал закладки памятника Императрице Екатерине II // Кубанские областные ведомости. 1896. 6 сентября. № 189.
19. Празднование Кубанцами своего 200-летнего юбилея // Кубанские областные ведомости. 1896. 17 сентября. № 196.
20. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7798.
21. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 3473.
22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8878.
23. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 3466.
24. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 518.
25. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 3166.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Известно, что коллективная память служит важнейшим объединительным фактором, в связи с чем является предметом интереса философов, социологов, культурологов. Удары по коллективной памяти ставят своей задачей разрушение национальной идентичности: это наглядно показали события рубежа 1980-1990 гг. К сожалению, если говорить о российской истории, то радикальный пересмотр нашего прошлого был в двадцатом веке как минимум дважды, выражаясь в том числе и в сносе памятников политическим деятелям.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является памятник Екатерине II в Екатеринодаре. Автор ставит своими задачами раскрыть предысторию сооружения памятника, проанализировать реализацию проекта, показать его судьбу.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать памятник Екатерине II в Екатеринодаре в контексте исторической культуры кубанского казачества. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 25 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена как материалами периодической печати, так и документами из фондов Государственного архива Краснодарского края. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды Т.А. Колосовской и Д. С. Ткаченко, а также О.В. Матвеева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения имперской политики в области памяти. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как коллективной памятью, в целом, так и эпохой императорской России, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "в конце XIX в. – начала XX вв. на территории Российской империи активизировался процесс применения различных форм коммеморативных практик". В работе показано, что идея создания памятника Екатерине Великой "была приурочена к юбилейной дате высадки первых черноморских казаков на Таманском полуострове, а реализована в период обострения политической ситуации в России в целом, и в Екатеринодаре в частности". Казаки видели в памятнике идею "запорожских корней, и напоминание о том, кому принадлежат земли между Черным и Азовским морями".

Автор обращает внимание на то, что власть "продвигая и поддерживая данную интерпретацию коллективного прошлого, преследовала конкретную политическую задачу – напомнить казачеству об их долге верно служить Престолу".

Главным выводом статьи является то, что

"памятник Екатерине II является важным транслятором исторической культуры кубанского казачества".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".